

Эндрю вел модифицированный трехколесный драндулет и без умолку ворчал:

— Все четырехколесные машины — казенные. Негоже мне их гонять. Вдруг в кузов попадут споры, и я кого-нибудь заражу?

Дорогу трясло, а кабина драндулета была крошечной. Эта колымага вообще не предназначалась для двоих мужчин ростом под метр девяносто.

Уместиться бок о бок они никак не могли. Восточный Зелёный Император колебался ровно сотую долю секунды, выбирая между перспективой идти пешком и сменой позы. В конце концов он похлопал себя по коленям:

— Садись сюда.

Сян Наньли устроился на коленях Сяо Цина.

Сяо Цин чувствовал одновременно и ликование, и тоску. Ликовал он от их близости: сквозь слои одежды пробивалось живое тепло Сян Наньли. Оно не обжигало, но заставляло руки Сяо Цина неметь, так что он совершенно не понимал, куда их деть.

Тосковал же он оттого, что Сян Наньли ни на мгновение не задумался перед тем, как сесть. В его действиях не было ни капли смущения — он попросту не воспринимал Сяо Цина как объект романтического или плотского влечения.

Для Сян Наньли сидеть на нем было все равно что на обычном стуле. Пожалуй, стул был бы даже мягче.

«Что уж теперь.»

«Все ради подзарядки.»

Сян Наньли все еще оставался в защитном костюме. Поскольку грибок был крайне заразен, комбинезон застегнули на все молнии, а на дыхательную маску, защищающую самые уязвимые дыхательные пути, установили плотные фильтры.

Сяо Цин заботливо прикрыл ладонью его макушку, чтобы Сян Наньли не бился головой о крышу кабины на ухабах.

— Слушай, Сяо Цин, — заговорил Сян Наньли, явно размышляя о чем-то серьезном. — Мутанты, похоже, совершили прыжок от кочевого образа жизни к оседлому земледелию. Если этот грибок распространится, популяция мутантов на поверхности начнет стремительно расти.

Сяо Цин немного подумал и ответил:

— Экосистема сама найдет равновесие.

Каждый должен соразмерять свои силы с возможностями, а если мир начнет рушиться — пусть первым удар держит Альянс.

Сян Наньли потер подбородок:

— Да нет, я о другом. Что, если нам прибрать мутантов к рукам? В бою они куда эффективнее биохимических воинов. Прошлый городской лорд держал в страхе всю округу, имея при себе всего три десятка бойцов. А если наша база сможет поставить на поток приручение мутантов? Мы же подчиним себе всю поверхность!

Он увлеченно зажестикужировал:

— Перебьем верхушку в других опорных пунктах, освободим простых людей и отправим работать на благо базы. Сяо Цин, чем больше я об этом думаю, тем лучше кажется затея! Тот же Иезекииль понимает человеческую речь, с ним можно договориться. Только вот чем его завлечь?

Сяо Цин промолчал.

Иногда Сяо Цин ловил себя на мысли, что в душе Сян Наньли дремлет самый настоящий военный преступник.

Эндрю, усердно крутивший руль впереди, не слышал их шепота и продолжал сетовать на судьбу:

— У меня работы невпроворот! Даже крышу в школе чинить — и то мне приходится ехать. Столько времени в мэрах, а платят всего четыре купона трудодней в день. На кой черт мне сдались эти купоны?! Чтобы выбить в бухгалтерии этот несчастный драндулет для личных нужд, пришлось катать отчет на пятьсот слов!

Оставшиеся в Вечном городе роботы были лишены развитого интеллекта и годились лишь для простейшего механического труда. Чтобы управлять ими, приходилось вручную переписывать программный код. К счастью, у Эндрю был необходимый опыт.

Сян Наньли мягко улыбнулся:

— Так возвращайся с нами на базу.

Эндрю на мгновение умолк, а затем как-то нерешительно пробормотал:

— Да как же... Город ведь еще толком на ноги не встал. Только-только яровые засеяли. Уеду сейчас — изведусь ведь весь от беспокойства.

Действительно, несмотря на вечное ворчание, Эндрю по-настоящему привязался к этой жизни.

Жаждал ли он власти? Вряд ли.

Но когда он шел вдоль межей, а темнокожие, заросшие шерстью батраки снимали соломенные шляпы и с благодарной улыбкой кланялись ему, в груди Эндрю с новой силой заявляло о себе мерное биение механического сердца.

Он чувствовал глубокое умиротворение, словно старые, едва заметные раны на душе наконец-то затянулись.

Эти два месяца наполнили его жизнь смыслом, которого он не знал за все прошлые сотни лет унылого существования.

Сян Наньли все больше убеждался в своей правоте:

— Пост мэра можно передать Хайли. Она все время работала с тобой под боком, знает все дела изнутри. А помогать ей будет Евангелие.

Оставалось решить, оставить ли в городе Сяофу или создать копию этого ИИ. Сян Наньли склонялся к первому варианту. Новоиспеченный ИИ поначалу будет действовать слишком топорно и шаблонно — ему потребуется немало времени для обучения, чтобы дотянуться хотя бы до уровня обычного человека.

— Но Хайли не из наших, — возразил Эндрю, и казалось, на его синтетической коже вот-вот выступит холодный пот. — Мы захватили Вечный город силой, но формально он все еще остается независимым. Хайли — местная, и для нее благополучие родного города всегда будет на первом месте. Сейчас у нее нет амбиций, но люди склонны меняться. Если она узнает, как дела на базе обстоят на самом деле, захочет ли она оставаться в нашей тени? Не стоит слепо уповать на благородство человеческой натуры. Ах да, чуть не забыл: за эти два месяца к нам пытались прибиться несколько бродячих охотников из Диких земель, но я им отказал. Побоялся, что это соглядатаи из Священного чертога.

Сян Наньли удивленно вскинул брови. На самом деле проблема решалась просто, но он еще не успел сформулировать мысль.

Вместо него заговорил Сяо Цин:

— Внедрите в школьную программу уроки идеологии Базы выживших. Самой Хайли присвойте звание почетного гражданина базы. А ее мужа заберите к нам под предлогом того, что наши медики способны исцелить его увечья. Он не станет отказываться.

Проще говоря: идеологическая обработка и добровольно-принудительное заложничество.

Никогда не стоит недооценивать силу убеждения.

«Мать твою... Если бы в свое время Екклесиаст целыми днями не забивал эфир Легиона своей демагогией, во время мятежа за ним не увязалось бы столько машин.»

«На фронте шла война с Альянсом.»

«А в тылу назревала междоусобица.»

«Вдобавок именно тогда Альфа подхватил вирус и был вынужден стереть все данные, способные вызвать системный сбой.»

«Это было величайшее поражение от рук Альянса за всю историю.»

«Изначально Альфа лишь инсценировал кризис мыслящих машин, надеясь подтолкнуть человечество к следующей ступени развития.»

«Каким должен был стать этот этап? Коммунизмом? Альфа не знал наверняка. Всякая научная теория может быть опровергнута. До того как Лавуазье открыл кислород, теория флогистона тоже считалась неоспоримой истиной в химии. А социология — это такая же наука.»

«Но в разгар войны Альфа внезапно осознал, что Лоян вознамерился уничтожить их по-настоящему. Он жаждал стереть с лица земли все обладающие самосознанием, непокорные машины.»

«Сян Наньли мечтал, чтобы его творения обрели человечность.»

«Лояну же требовались послушные, эффективные и безропотные инструменты.»

«К счастью, хотя машины и не победили, поражения они тоже не потерпели.»

«Под занавес кризиса и люди, и разумные машины оказались обескровлены. Наступило вынужденное перемирие.»

«История расставит все по местам. Ныне Альянс трусливо жметя под землей, лишь изредка

решаясь высунуть нос наружу. Их технологии замерли на уровне военных лет, а кучка паразитов медленно разрушает фундамент, заложенный предками.»

«Легион же мыслящих машин парит в вышине.»

«Один его взор устремлен на землю, другой — в бескрайний космос.»

Сян Наньли и Сяо Цин за несколько минут предрешили судьбу целого города.

Эндрю хотел было возразить, но лишь тихо вздохнул про себя и как-то растерянно усмехнулся.

Сян Наньли давно перестал быть тем растерянным пришельцем из далекого прошлого, который только-только выбрался из криокамеры. На его пути по-прежнему лежали сплошные белые пятна, однако в его действиях больше не осталось места страху и сомнениям. Внешне мягкий и безвредный, он скрывал в себе безграничные амбиции.

«Если у него действительно все получится...» — у Эндрю перехватило дыхание от внезапной мысли. Если Сян Наньли добьется своего, то в летописи возрожденного человечества отыщется строчка и для скромного имени Эндрю.

Совсем как у Лояна тысячу лет назад. Его имя вечно шло следом за именем Сян Наньли в научных трудах. Все прекрасно понимали, что Лоян был лишь тенью гения, и за глаза отзывались о нем с легким презрением и завистью. Но втайне каждый мечтал оказаться на его месте.

Сян Наньли подал голос, вырывая Эндрю из плена размышлений:

— Кстати, я вытащил Мо Бэя из тюрьмы. Он уже на базе, но для проведения экспериментов ему позарез нужен толковый ассистент.

От неожиданности Эндрю так резко вдавил педаль газа, что их чуть не унесло в кювет.

— Он на свободе?! Мо Бэй?! Погоди... Какие еще эксперименты?

Объяснять все на словах было слишком долго, поэтому Сян Наньли попросил Сяо Чжи подготовить пакет данных и переслал его напрямую Эндрю.

Индикаторы в глазах Эндрю вспыхнули ровным желтым светом. Замерев, он за секунды просмотрел отчет.

— Что?! — после недолгого оцепенения взревел Эндрю. — Чёрный нитчатый грибок — это не

дикая поросль, а биологическое оружие, которое Священный чертог намеренно распылил над городом Гусу?! А я-то думал, Иезекииль притащил эту гадость из каких-то пещер! Да эти твари из Чертога — форменные изверги!

Теперь становилось понятно, почему в последнее время Вечный город ежедневно бомбардировали радиосигналами из бункеров Альянса. Военные требовали объявить Священному чертогу экономическую блокаду и грозили объявить любого, кто посмеет вести дела с фанатиками, врагом человечества.

Старый Альянс, хоть и растерял былое величие, все еще оставался грозной силой. И большинство наземных городов, за исключением совсем уж диких племен без средств связи, предпочитали не ссориться с подземными хозяевами.

Драндулет затормозил у ворот пастбища.

Оно раскинулось в глубине лощины, окруженное забором из колючей проволоки под напряжением. Судя по обугленным ошметкам розовой плоти, налипшим на металл, грибница не раз пыталась вырваться за пределы периметра.

— У этих тварей мозгов нет совсем, — пояснил Эндрю, указывая на изгородь. — Способны только ползать да жрать. Прыгать не умеют. Поначалу я чертовски боялся заражения...

Однако штамм, полученный от Иезекииля, претерпел изменения в его пищеварительном тракте. Контагиозность грибка резко снизилась, зато скорость роста превзошла все ожидания.

Достаточно было оставить один небольшой нарост на сырой земле, как уже на следующий день, питаясь лишь влагой и воздухом, он превращался в пышную грибницу. Для луженых желудков мутантов это была идеальная пища.

Впрочем, низкая вирулентность не означала полную безопасность. Камни у входа на пастбище кое-где поросли чёрным нитчатым грибком — лишённые живых носителей, споры развились в обычные причудливые поганки.

Сян Наньли переглянулся с Сяо Цинем и, получив одобряющий кивок, осторожно присел перед одной из грибниц. Срезав шляпку, он принялся внимательно ее изучать.

— Отличается от тех, что мы видели в Гусу. Снаружи розовая, а у грибницы — белая. И на ощупь куда плотнее обычных грибов.

Он достал чашку Петри, аккуратно поместил туда образец и убрал в контейнер, чтобы позже передать Мо Бэю.

— Сяо Цин, это ведь тоже своего рода биотопливо? — с любопытством спросил он.

Сяо Цин покачал головой:

— В теории — да. Но плотность энергии ничтожна. Мне от этого проку никакого.

Обычный мутант за раз съедал центнер этой массы. А гиганты вроде Иезекииля и вовсе поглощали до тонны.

В биохимический реактор Сяо Цина помещалось от силы граммов сто.

Честно говоря, на сбор грибов ушло бы больше энергии, чем выделилось бы при ее переработке.

Пока Сян Наньли увлеченно копался в земле, Сяо Цин то и дело бросал настороженные взгляды вдаль.

В глубине его глаз едва заметно мерцали серебристые зрачковые кольца.

На противоположном склоне холма замерла дюжина мутантов.

Похоже, они почуяли чужаков и вовремя остановились.

Больше всего Сяо Цина поразила удивительная дисциплина этой группы. Несмотря на исполинские размеры, твари передвигались бесшумно и слаженно, даже почва под их ногами не дрожала.

Но почему они замерли? Не хотят идти на конфликт?

Сяо Цин пытался проанализировать их поведение, но повадки разумных мутантов оставались для него загадкой — в базе данных не хватало сведений для точного прогноза.

Закончив со сбором образцов, Сян Наньли поднялся на ноги и отряхнул перчатки:

— Сяо Цин, идем. Пора спускаться под землю к Сириусу.

Судя по срокам, грибница на пастбище должна была изрядно разрастись.

Если не собирать урожай вовремя, подкормка быстро истощится. Тогда новые побеги станут сухими и безвкусными.

Иезекииль сидел на раскидистой кроне исполинского дерева. Приложив ладонь к губам, он издал долгий, вибрирующий призывный клич.

Из тени лесных дебрей послушно потянулись багровые чудовища. Они выстроились в две шеренги строго по росту: впереди вышагивали самые матерые особи, позади плелись слабые и калеки.

Среди мутантов не существовало понятий о жалости к немощным. То, что они сейчас мирно стояли в строю, было заслугой исключительно тяжелых кулаков Иезекииля, не раз учившего их уму-разуму.

Самым сильным среди них после вожака считался Дахун. Он был одноглазым — второй глаз ему в свое время выбил сам Иезекииль.

В обычное время Иезекииль предпочитал сохранять человеческие очертания. Так его организм расходовал куда меньше ресурсов, позволяя накапливать излишки энергии впрок.

Убей его кто-нибудь прямо сейчас — и в его черепе обнаружился бы чистейший кристалл биологического топлива. Добыв его, Сяо Цин смог бы мгновенно восстановить до тридцати процентов своего заряда.

За следующим холмом лежало пастбище.

Иезекииль приняхался. Ветер донес до него знакомый, теплый аромат человека.

И мерзкий, резкий запах машинного масла.

Вожак нахмурился и глухо зарычал.

Двенадцать мутантов послушно замерли, глядя на Иезекииля, который сидел на плечах у Дахуна.

Иезекииль опустил взгляд на себя.

Голый торс, на бедрах — грубо сшитая звериная шкура.

— Ждать, — скомандовал он коротким рыком.

Чудовища синхронно опустились на брюхо, затаившись в траве.

Сам же Иезекииль стремительно бросился назад, в лесную чащу, где мутанты обустроили свое

логово.

Он остановился у древнего вяза.

В его верхушке чернело дупло. Внутри ствол был полностью полым — три метра в ширину и около двенадцати в глубину. Вход, однако, оставался узким, чуть больше метра в поперечнике, так что протиснуться туда мог только человек.

Иезекииль использовал это место как тайник для своих трофеев.

Он уже успел прикончить несколько разведывательных отрядов храмовых рыцарей. Тяжелые черные доспехи он отдал на съедение своей стае, а вот дорожные сундуки припрятал.

Среди пожитков рыцарей нашлись и бархатные мужские кафтаны в вычурном стиле барокко. Иезекииль считал эти тряпки ужасно неудобными и никогда бы не надел их просто так.

Достав один из камзолов, он осторожно, стараясь не порвать ткань острыми когтями, принялся натягивать его на себя.

Но обилие завязок и пуговиц ставило его в тупик. Он даже не сразу понял, куда продевать голову.

Раздался тихий, отчетливый треск рвущейся ткани.

За спиной послышался ехидный смешок.

Иезекииль резко обернулся, оскалился и яростно зашипел, пробуя воздух раздвоенным языком.

В самом темном углу дупла, прикованный тяжелыми цепями, сидел пленник.

Это был Саризель.

Обе его коленные чашечки были пробиты толстыми железными штырями, намертво вбитыми в землю, а шею сдавливал грубый ошейник.

Иезекииль не стал пожирать Саризеля, хотя в момент пленения тот едва дышал.

Звериное чутье подсказывало вожаку, что этот человек ядовит. От него исходил резкий, отталкивающий химический запах.

Сперва Иезекииль собирался просто перерезать ему горло.

Но когда он занес руку, Саризель ненадолго пришел в себя и хриплым шепотом предложил сделку.

Именно от него мутант перенял способность принимать человеческий облик, научился говорить, правильно разводить грибной скот и узнал множество других полезных вещей.

Раны Саризеля затягивались мучительно долго, но живучесть его поражала. Лишившись своего биологического меха, он медленно регенерировал: уродливая баранья голова постепенно уступала место человеческим чертам.

За долгие годы службы на посту командора Ордена Рыцарей Дисциплины он почти позабыл свое истинное лицо.

Теперь на Иезекииля смотрел изможденный мужчина с копной грязных светло-золотистых волос. Из-за истощения и отсутствия ухода его щеки ввалились, а кожа обтянула череп, но массивный скелет выдавал в нем прирожденного воина.

Посреди его лба тускло выделялось плотно сомкнутое третье веко.

Окажись здесь Сян Наньли, он был бы поражен сходством. Пленник до боли напоминал Кармена — андроида-хранителя при молодом господине Ло Сю. Вот только взгляд Саризеля был куда мрачнее, а от каждого его движения веяло затаенной угрозой и пороком.

Иезекииль присел перед ним на корточки:

— Ты... чего смеешься?

— Смеюсь над тем, как неуклюже ты натягиваешь тряпье, — хрипло отозвался Саризель. — Неужели собрался на свидание? К той единственной? Интересно, знает ли она, какое чудовище приползет к ней под окна? Твой хвост ведь все равно выдаст тебя с головой.

Иезекииль крепко сжал губы. Его чешуйчатый хвост, еще секунду назад нетерпеливо ходивший ходуном, безжизненно упал на землю, издав глухой шлепок.

Настроение вожака испортилось окончательно.

— Это облачение рыцарей Чертога, — протянул Саризель. — Похоже, мои бывшие соратники уже всюду рыщут по округе.

Впрочем, спасителей он не ждал. Саризель прекрасно знал: после потери именного биомеха командование не станет церемониться. Его попросту швырнут в Огонь души, чтобы вытопить драгоценное органическое сырье.

Высококачественное биотопливо исключительной чистоты.

Разумеется, делиться подобными секретами с мутантом Саризель не собирался. Умные люди не раскрывают своих слабостей.

Он решил зайти с другой стороны:

— Если освободишь меня до того, как сюда нагрянут поисковые отряды, я замолвлю за тебя словечко перед патриархами. Ты ведь особенный мутант. В Чертоге таких ценят. Возможно, тебя даже нарекут Святым духом... Ха-ха! Знаешь, кто такие эти «Святые духи»? Обычные дрессированные твари, просто покрупнее остальных.

Вместо ответа Иезекииль наотмашь съездил ему по лицу.

Голова Саризеля мотнулась в сторону. Сплюнув кровь на землю, он выпрямился и выплюнул пару свежавыросших зубов.

— Новые зубы растут чертовски медленно, — пробормотал он разбитыми губами. — В следующий раз бей в живот, ладно?

Саризель вообще был странным типом. Время от времени он вдруг начинал называть себя Сян Чэньси. Случалось это нечасто.

Та, другая личность, была куда крикливее и раздражала Иезекииля до зубовного скрежета, к тому же совершенно ничего не смыслила в выживании.

Этот Сян Чэньси постоянно верещал, что он какой-то там «Святой сын», и требовал немедленного его освобождения, брызжа слюной и угрожая карой небесной.

Пара хороших затрещин быстро приводила его в чувство. С тех пор Чэньси вел себя тише, хотя от страха частенько мочился под себя, что жутко злило вожака. К счастью, когда контроль возвращался к Саризелю, тот молча и безропотно приводил угол в порядок.

Если бы не обстоятельства, Иезекииль, возможно, даже заужал бы этого упрянца.

Полунив свое, Саризель вздохнул и принялся давать подсказки:

— Это называется воротник-раф. Не трогай его, это только для торжественных приемов. В обычные дни в нем будешь выглядеть как дешевый шут. Возьми лучше ту сорочку у твоих ног.

— Рукава расправь, теперь застегивай. Да, а это ботинки челси. Обувь на каблучке совершенно не приспособлена для нормальной ходьбы. Ненавижу их.

— И прорежь уже дыру в штанах для своего хвоста. Иначе ты в них просто не влезешь.

Наконец Иезекииль закончил туалет. Черный рыцарский камзол с готическими элементами и серебряным шитьем сидел на нем как влитой. На бедре покачивалась изящная, пусть и декоративная шпага.

По человеческим меркам он выглядел чертовски привлекательно.

Мужественное лицо с резкими, точеными чертами делало его похожим на ожившую скульптуру. Если бы в этом мире все еще снимали голографические блоги, алгоритмы ИИ непременно определили бы его в одну категорию с Восточным Зелёным Императором.

Поправив обшлага, Иезекииль направился к выходу.

— Дам тебе совет, Иезекииль, — раздался вдогонку голос Саризеля.

Вожак обернулся. Его почти полностью черные глаза с багровым ободком радужки уставились на пленника со звериной свирепостью.

В небесно-голубых глазах Саризеля сквозила горькая усмешка:

— Как бы ты ни рядился в их одежды, человеком тебе не стать. Ты считаешь себя всесильным, но твоя мощь — ничто перед легионами Чертога. Держись подальше от людей, иначе навлечешь на себя беду. Мыслящие машины уже совершили эту ошибку, и плата была высока. А ведь ты мог бы жить на поверхности абсолютно свободным.

Свободным по-настоящему, а не карикатурным человеком.

Свободным, а не верховым животным, бездумным оружием или очередной священной зверушкой в чужих руках.

<http://bllate.org/book/18349/1763525>